

Жираф влюбился в антилопу

Известия. — 1999 —
24 июля. — С. 7

«Пленные» Бернардо Бертолуччи

Денис ГОРЕЛОВ

Кинематограф Бертолуччи всегда был посвящен фатальной человеческой нестыковке и трем способам ее преодолеть: уехать в саванну, где зыбкий зной, аскеза и круглая луна в синюющем небе целебно действуют на психику, замутить большевистскую ре-

волюцию или просто очень крепко, до доньшка, полюбить, ничего не требуя взамен. Возраст прибавляет ума: на шестом десятке классик все более склоняется к последнему, самому скучному рецепту. Идея либерте-эгалите-фратерните, которой все великие итальянцы переболели в тяжелых формах, себя не оправдала и теперь хранится в за-

ветных тайниках итальянской души рядом с деревянными башмаками, материнским поцелуем жирной проститутки и первым билетом в кино, выменным на чудесную азбуку папы Карло. С эскапизмом вышло того хуже. Пристрастный наблюдатель человеческих превращений, Бертолуччи к пятидесяти годам набрел на универсальный ключ — буд-

дизм и реинкарнацию — и снял до того просветленный фильм про бессмертие души и про то, как родиться баобабом, что его, кроме автора, посмотрели одна девочка-монтажерша, десяток отборщиков международных фестивалей и могучая кучка фанатов-критиков. Обращение к Богу творческой личности почти всегда ввергает ее в пучину агрессивной банальщины: пример Толстого и Тарковского — другим наука.

Ничего не оставалось великому режиссеру, как преодолеть nirванно-самосозерцательную ересь и впредь ломать межчеловеческие барьеры последним из известных способов — шепотом, частым дыханием, темными аллеями и гормональными вулканами. Первым Тулоном на этом пути стала «Ускользающая красота» — скоромная притча о круговороте плоти в природе, вечозеленом древе жизни и естественной династической смене секс-символов, где дряхлый Жан Маре, восковой Джереми Айронс и сильно раздавшиеся вширь Шинед Кьюсак и Стефания Сандрелли медленно растворяются в дачной дымке, благословляя на священную весну любовных игрищ застенчивую нахалку Лив Тайлер с прикушенной губой, кожаным рюкзачком и в неуклюжих башмаках-луноходах.

Следующим шагом стали «Пленные» — трущобная мелодрама о беженке из тех самых целебных саванн, убирающей холостяцкий хлев римского затворника-композитора. Он ее

любит, а у нее на родине муж в тюрьме за политику. Он готов за ней в Африку бжегать, а она смотрит, как на младенца: что ты знаешь про Африку, птенчик? В Африке — акулы, в Африке — гориллы. И снова упрямо трет эти гипсовые головы с отбитыми носами, выцветшие коврики с проплешинами и мозаичный пол, похожий на кладбище красивых осколков. Любимое бертолуччино столкновение культур — усталых руин европейской цивилизации и горячей энергетики африканского страдания — на сей раз лишено политкорректной морали априорного дикарского превосходства. Он вялый — она дерганая. Он тряпка — она орет во сне. Он, дитя благополучного мира, умеет музицировать на рояле, жертвовать и жалко, до смерти, любить. Она, выкидыш пылающего континента, умеет стирать пыль с его музейного барахла, оголтело учиться медицине и тихо, скрытно любить что-то давнее с той стороны глобуса. Их разделяют миллионы верст и лет и связывают взаимодополняющие слабости.

Его играет Дэвид Тьюлис, пять лет назад мелькнувший в картине с символическим названием «Черная красотка» (правда, про кобылу). Ее — Тенди Ньютон, самая божественная из черных актрис (Вупи Голдберг не в счет, она скорее черная голливудская лимитчица из квоты на нацменьшинства). Пока в запавших тендинных глазах плещется вся скорбь Экваториальной Африки, это просто изможденная замарашка, мечта Армии спасе-

ния. Когда музыка сбивает ее с тоски по родине — о, Бертолуччи умеет подать молодую леди даже и в резиновых перчатках! — она становится той же кофейной чертовкой-ангелицей, какой прежде являлась в австралийском «Флирте», «Джефферсоне в Париже» или «Путешествии Августа Кинга». Я понимаю того композитора. Я бы тоже не дал покоя роялю.

Рояль, полированный бегемот «Стейнвей», — единственная в его запустелой усыпальной вещи, на которой нет пыли. Чудные звуки тревожат упрямую горничную, сбивая с воспоминаний, с ритма тряпки, с толку и панталюку. Вот-вот уже воспарит она аки балерина из мультфильмов, но рояль, свою единственную ценность, музыкант продает, чтобы выкупить ее мужа из застенков. Полированную тушу, спеленутую по ногам и клавишам, медленно опускают в кузов грузовика — жалко, как живого. Неудачник смеется, потерявши все, — счастливица хмурится, обретая самое заветное-желанное. Ходит нервно, мнет конверт со справкой об освобождении.

А после произносит ключевую фразу вчерашней любви: «Он завтра приедет, он очень храбрый, он добрый и хороший — и не смотрите на меня так». Так не говорят о любимых, дочка. Так говорят о тех, кто объелся груш. Не ври вруну, любитель.

На том и сказке конец. Нет на самом деле никаких барьеров между одинокими белыми трубадурами и замужними черными золушками.

Горячий шоколад: Тенди Ньютон в фильме Бертолуччи